

Виктор Слипенчук,
ОМСХИ, 1963 г.

**ВИКТОР
СЛИПЕНЧУК**

ЗИГЗАГ

Поэма-фарс

72 года – совсем не круглая дата. Но Виктор СЛИПЕНЧУК, известный мастер слова, не делает различий между юбилейными и неюбилейными днями своего рождения (22 сентября). Неизменно к этой дате он дарит подарки всем своим многочисленным читателям в России и за рубежом. Лучший подарок писателя – это новое произведение.

«Аргументы недели» с удовольствием представляют читателям его новую поэму-фарс «Зигзаг».

В ней, с присущими автору талантом и остроумием, Виктор Трифионович рассказывает о необыкновенных приключениях молодого героя. Впрочем, вы всё прочтёте сами.

Глава 1

Из Владивостока в Сочи
Мчался поезд что есть мочи.
Юношей, в расцвете сил,
Я в том поезде грустил.

Мне пригрезилась Анюта
В дивных всполохах салюта.
Как икону, всю в цветах,
Зрел её на небесах.

А в реальности не зрел –
Вот такой я был пострел.
Девушка моей мечты –
Гений чистой красоты!

В грёзах кем я только не был, –
Как орёл, вдруг падал с неба
Или в небе зависал,
Но всегда её спасал.

Для неё в мечтах я жил,
Подвиги свои вершил.
То я был парашютистом,
То завзятым хоккеистом.

То с трамплина брал прыжок,
Приводящий судей в шок.
В общем, был я знаменитым,
В бронзе с золотом отлитым.

Мнилось даже, что она
В памятник мой влюблена.
Тут, как водится, немножко
Остывал – смотрел в окошко.

Мне бы жить не на Земле,
Мне лететь бы в корабле:
Остров – Ява, остров – Крит
(Вундеркинд во мне зарыл).

Я залез под одеяло –
Эхма – жизнь!
Мне скучно стало.
Только что закрыл глаза –
Завизжали тормоза.

Поневоле с полки – скок.
Что-то больно – прямо в бок,
А потом ещё под дых...
Ы-ы-ых!

За дверями стук и крик:
«Безбилетник к вам проник!»
Подо мною пол качнулся –
Я под столиком очнулся.

Безбилетник! Аферист!
А быть может – террорист?!
Как сквозь двери он проник?
Где же делся проводник?!

«Поднимайтесь! Не трясутесь!
Успокойтесь и садитесь!
Перед вами – не агрессор,
А затюканный профессор.

*По-народному – умелец.
А по-вашему – пришелец.
Пригласил вас в свой корабль,
Чудо-юдо дирижабль.*

*И вокруг меня не фиги –
Нанотехнологий книги».*

Тут в купе зажётся свет,
И увидел я, что – нет,
Не в купе я, а в каюте,
В герметическом уюте.

И сижу я не на полке,
А в какой-то балаболке,
Что качается, жужжит
И удобствами смешит.

А профессор в этот миг
Весь в гирляндах нанокниг.
У него в руках дощечка
С красным крестиком –
аптечка!

Так наивно я решил,
Чем пришельца рассмешил.

*«Это, братец, не аптечка –
Освящённое колечко.
Матрица с твоих идей –
Видишь, зеркальце на ней?»*

*Всё, что в нём отобразится,
В небесах осуществится.
Это есть окошко в космос.
Я его пробил сквозь косность*

*Профессуры МГУ,
Но об этом ни гугу.*

*Сам министр ваш обрнауки
Целовал вот эти руки!»*

Тут он засмеялся жутко
И сказал, что это шутка.
Как-то грозно помолчал,
По дощечке постучал.

И спросил: «Ну как, готов
К открытию миров?»
Всклипнул вдруг: «Эх ты, юнец,
Твой билет в один конец».

Не со зла, с досады топнул –
На дощечке шарик лопнул.
Подо мной разверзлась бездна –
Жить трусливым бесполезно.

Путь Гагарина не прост –
Вундеркиндом встану в рост!
Для Анюты подвиг мой –
Мир спасётся красотой!

Только что подумал так –
Аппарат вдруг дал зигзаг.
Прыгнул в Чёрную дыру –
На планету Нибиру.

Глава 2

Что за чудная планета!
Приземлился в точке лета,
В плотных зарослях бурьяна.
Слышу клич:

«Хватай смутьяна!»

Он, наверное, колдун
Из дворца Зеркальных лун.
Оступился – дал промашку,
Что-то шасть мне
под рубашку.

Угнездилося на спине
И на ухо шепчет мне:
«Что, попался, чародей,
Искуситель и злодей?»

А потом вдруг как уколёт –
Взвился я от адской боли.
Через ров – и по бурьяну
Выскочил с ним на поляну.

Слышу – лезет по плечу,
Мол, ещё шептать хочу.
Тут невольно сторгяча
Дал опять я стрекача.

В новый ров, залёг в бурьяне,
Чтоб спастись от этой дряни.
И почувствовал вокруг,
Как сжимается их круг.

Что-то шепчут про потери
Полулюди-полузвери.
Ну а то, что на спине,
Снова в ухо шепчет мне:

*«Кто такой? Откуда взялся?
Для чего в наш ров забрался –
Революцию смастрячить,
Чтобы нас переиначить?»*

Жало мне к спине прижал,
Я вскочил и побежал.

«Кто вы, что в колючках
острых?»
«Одомашненные монстры».
«А зачем залезли в ров?»
«Мы здесь из других миров».

«Но зачем сидеть в репьях?»
«Все боятся наших рях».
Мы такие корчим рожи,
Что себя боимся тоже».

«Кто же вас так искажил?»
«Тот, кто нас изобразил».

«Ну и кто же сей умелец?»
«Он космический пришелец –

Так он глине говорил,
Из которой нас творил.

А ещё вещал создатель,
Что появится мечтатель,
Исцеляющий мечтой –
Мир спасётся красотой».

Он умолк. Гудела муха.
Что-то вдруг как рявкнет в ухо:

*«Браво! Браво! Наконец
Заявился к нам юнец
Революцию смастрячить –
Чтобы нас переиначить!»*

Разом все задрезбжали –
Радость встречи выражали.
«В новой заживём стране!
Без обувок – по стерне».

Понял я, кто их создатель,
Кто спаситель и мечтатель.
Для чего залезли в грунт –
Подготавливают бунт.

«Дорогие нибиряне!
Хватит вам сидеть в бурьяне.
Мне б найти мечту-красу.
И тогда я всех спасу.

Потому что лжи устои
Рухнут перед красотойю.
Главное – красу найти,
Чтоб уродства извести».

Тишина упала в ров.
«Ты гуторишь будь здоров!
Ну а если не найдёшь,
То, выходит, не спасёшь?»

«Но испытюк – не убыток».
«Видим мы,
ты больно прыток».

Снова тишина упала –
Почему-то жутко стало.
Нибиряне совещались,
Будто заживо прошались.

«Есть у нас краса-царица –
Погляди, авось сгодится».
Над бурьянною стеной
Что-то – шмяк передо мной.

Волосатый стукот кожи,
На пучок тряпья похожий –

Из клеёнчатых мешочков,
Но с прозрачной оболочкой.

Чтоб красивее казаться,
Стукот начал раздуваться.
Выглянули бородавки –
Все в присосках, как пиявки.

А за ними из волос
Показался гулькин нос,
А в проплешинах наколки,
А на щупальцах иголки.

Вместо пирсингов на роже
Вскрылись спицы
в складках кожи.
И сияла эта ряха,
Как начищенная бляха.

И чем больше виришь росла,
Тем ужаснее была.

Боже мой, какая скверна –
Нибирянская царевна!

А она, слюною пенясь,
Щупальцами подбоченясь,
Проскрипела, что создатель,
Первый правообладатель,

Ей сказал, что все мы – клоны,
Золото его короны.
«Нежно называл нас – крохи,
А колдун сказал, что – лохи.

Из-за нас он с ним подрался.
А колдун в бурьян пробрался,
Гадости подсыпал в глину,
И создатель где-то сгинул.

Но успел шепнуть нам:
«Крохи,
В бурьяне попрячьтесь трохи.
Видно, мне пришёл капец,
Нужен вам иной мудрец,
Нужен вам иной мудрец».

Что сроднился бы с мечтойю:
Мир – спасётся красотойю.
Так что я – твоя краса,
Загляни в мои глаза.

Всю себя тебе открою –
Наслаждайся красотойю!

Боже мой, такая кроха –
Это целая эпоха!..

**Начало.
Продолжение – на стр. 16**

Продолжение.
Начало – на стр. 15

Глава 3

Человек по жизни слаб,
Он своих пристрастий раб.
Не взыскует правоты
Лишь в объятьях красоты.

Расплылась в улыбке ряха –
Чуть не околел от страха.
Осторожно подошёл –
Глаз на ряхе не нашёл.

Как надутая резина,
Подскочила образина.
И давай меня душить –
Заставляла с ней дружить.

«Дай согласие, юнец,
А не то тебе – капец!»

И тогда я крикнул клонам,
Что попрятались по схрамам:
«Дайте новую красу –
Эту не перенесу!»

«Чем же я тебе не пара?!»
Сделал сальто от удара.
И пока летел, как пуля,
Где-то спряталась красуля.

Впрочем, новая явилась,
Так сказать, не запылалась.
Как гора, ко мне шагнула,
Что-то хрясть – её согнуло.

Две клешни, как две руки,
Хватъ клешнями за грудки.
«Поиграй со мной в пятнашки!» –
Взмыл, как сизарь,
вверх тормашки.

В общем, был неравный бой,
Монстры дали ей отбой.
Но остались, как «пятнашки»,
Дыры на моей рубашке.

Если бы Анята знала,
Как её мне не хватало,
Чтоб проникнуться мечтой:
Мир спасётся – красотой!

Неужели, думал я,
Вновь придёт сутулая.
Не царица, а машина –
Терминатор на пружинах.

С ряхою, как медный таз,
На котором нету глаз.
И не спросишь у царицы:
Что за хруст – из поясницы?

Вдруг свихнётся, и полюбит,
И клешнями приголубит?!
Много-много разных дум
Исковеркивали ум.

И тогда что было сил
Я царевну запросил,
Что была б из русских сказок,
Из анятиных бы глазок

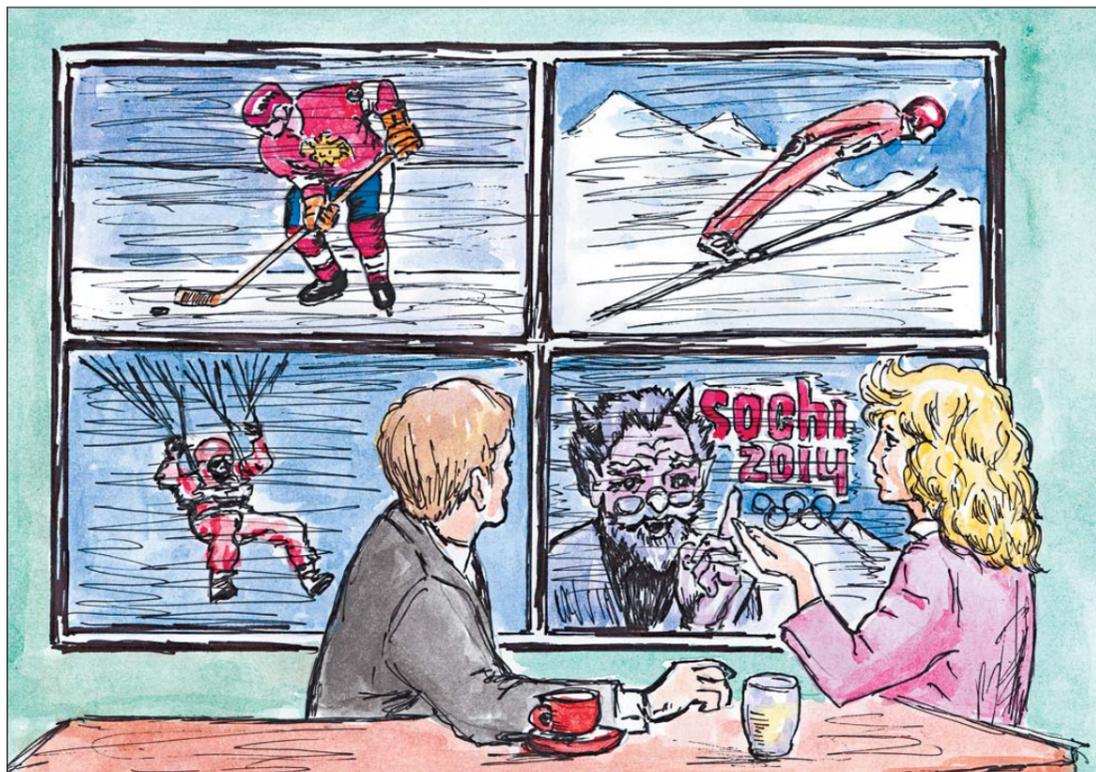
Был на ней веноч цветов.
«Ты гуторишь будь здоров!
Есть у нас такая кроха,
Вся в цветах чертополоха.

Вместо глазок – пузырьки,
Две клешни, как две руки».
«Нет, не надо!» –
я взмолился
И внезапно провалился.

Как бы вновь – опять в каюте,
В герметическом уюте.
И сию я не на полке,
А в известной балаболке.

Вкруг меня профессор ходит –
На меня лорнет наводит.
И как будто тот же лик,
Но я чувствую – двойник!

Прежний был каким-то разным,
Угловатым, несуразным.

Этот – скользкий, словно змей,
Змеи есть среди людей.

Их радушие – лишь вид,
О коварстве говорит.

«Дорогой мой, наконец
Я вернул тебя, юнец!
Нибирянские царевны
Все уродливы и нервны.

Нет ужаснее мечты –
Монстр в салоне красоты.

Для бурьянного народа
Идеален Квазимодо.
Красота здесь не в чести,
Невозможно их спасти».

«Ну а как же медицина?»
«Из паров пеницилина?»
«Ну, не только из паров...»
«Ты гуторишь будь здоров!»

Схожесть слов в их лексиконе
(Смысла два –
в одном флаконе).

Змея речь и монстров речь –
Как тут истину извлечь?!

Будто только что я с гор,
Продолжаю разговор.
«Даже арбидол не лечит?!»
«Как наркотики, калечит».

Тут поверить я не мог,
Арбидол! И – не помог?!
Прочь сомненья – это змей,
Искуситель и злодей!

Не затюканный профессор,
А чужих миров – агрессор!

Понял он – проговорился.
Не спеша воды напился.
И пока он воду пил,
Из стакана глаз светил.

Вспыхивал и затухал,
Как магический кристалл.
Что-то замышлял колдун
Из дворца Зеркальных лун.

Бросил вдруг монокль на пол.
«Вот вам, вот вам – арбидол!»
Стёкла линз что было сил,
Как пиявки, раздавил.

И ко мне, уже как змей,
Как изысканный злодей:

«Чтоб Аняту обрести,
Ты кого хотел спасти?
Это было б очень круто,
Если б здесь жила Анята!»

Вся в колючках и репьях,
Посреди заморских рях.
Надо быть глупей, чем лохи,
Чтоб искать в чертополохе.

Впрочем, –
где, какая школа,
Чтоб объестся арбидола?!»

Зыркнул коротко на стол,
Будто там был арбидол.

Глава 4

На столе его лежали
Непонятные скрижали.
И знакомая «аптечка»
(Но без крестика – колечко).

Значит, не освящена.
Святость – смерть
для колдуна.

И тогда сказал я змею:
«Возражать я вам не смею.

Если жить в бурьяне – круто,
Где тогда живёт Анята?»

«А, узнать желаешь где?!
Только не в Караганде.

Из Владивостока в Сочи
Кто-то ехал, между прочим.
И мечтал о дальних даях,
Об Аняте и медалях...

То он был парашютистом,
То завзятым хоккеистом.
То с трамплина брал прыжок,
Приводящий судей в шок.

В общем, сыпались награды
Сочинской Олимпиады
На него сплошным дождём.
Но Анята здесь – при чём?»

Ишь ты?! Как его задело,
Как взъярился оголтело,
Что не он свершал прыжок,
Приводящий судей в шок.

Может быть, мечта моя
Здесь – основа бытия?!
Всё, о чём мечталось, мнилось,
Как-то здесь осуществилось.

Злой колдун предложил вдруг:
«Вот, попробуйте, мой друг!»
Подошёл к хрустальной вазе,
Зачерпнул какой-то шмази.

«Чудный джем из нанокниг –
Помогает от интриг.
А из нанокниг варенье –
Возбуждает вдохновенье».

Ложку с джемом я откинул,
И колдун как будто сгинул.
За спиною объявился –
Волос мой зашевелился.

Этот мерзостный двойник
Как микроб в мозги проник.
По извилинам шныряет –
Биотоки замеряет.

Ищет тайну бытия –
Где живёт мечта моя.

И тогда, внимая чести,
Я прижал к груди свой крестик –
Пусть в мечте моей свершится
Всё, чего колдун боится!

И невольно вдруг представил,
Как в колечко крестик вставил,
Что отсутствовал в колечке
У злодея на дощечке.

И сейчас же гром раздался –
Вновь в бурьяне оказался,
Из которого повсюду
Вылезали полулюди.

Кто хвостатый, кто кудлатый,
Кто на голову горбатый.
И у каждого медали
Олимпийские блистали.

А один, как бы лангуст,
Вверх подбрасывал мой бюст.
И как резаный вопил –
Явно монстров заводил.

Чтобы шли толпою плотной –
Будто все они с Болотной.
Чтоб многообразье рож
Вызывало страх и дрожь.

Если же пойдут колонной,
Все поймут – они с Поклонной.
В ногу шествующая масса
Из чиновничьего класса.

С личиком одним у всех –
Это тоже тяжкий грех.

Между тем вся эта масса,
Как искусственная раса,
Шевелилась там и тут.
Монстры затевали бунт.

Я решил его возглавить,
Монстров во дворец
направить.

«Дорогие нибириане,
Соберёмся на поляне.
А оттуда — во дворец,
Там скрывается подлец.

Сообща мы с ним сразимся —
И в красавцев обратимся.
Каждый монстр,
что был эндемиком,
Станет видным академиком.

А министры от науки
Будут целовать нам руки».

Шевелящаяся рать
Стала дружно замирать,
Пятиться обратно в ров.
«Ты гуторишь будь здоров!»

Этот голос трудно спутать,
Но жива во мне Анюта,
И пока жива она,
Не боюсь я колдуна.

Буду жить своей мечтою —
Мир спасётся красою!
Жизнь — как одного одна,
Надо свергнуть колдуна.

Глава 5

Философия урода
Часто скрыта от народа.
Потому что он, урод,
Презирает свой народ.

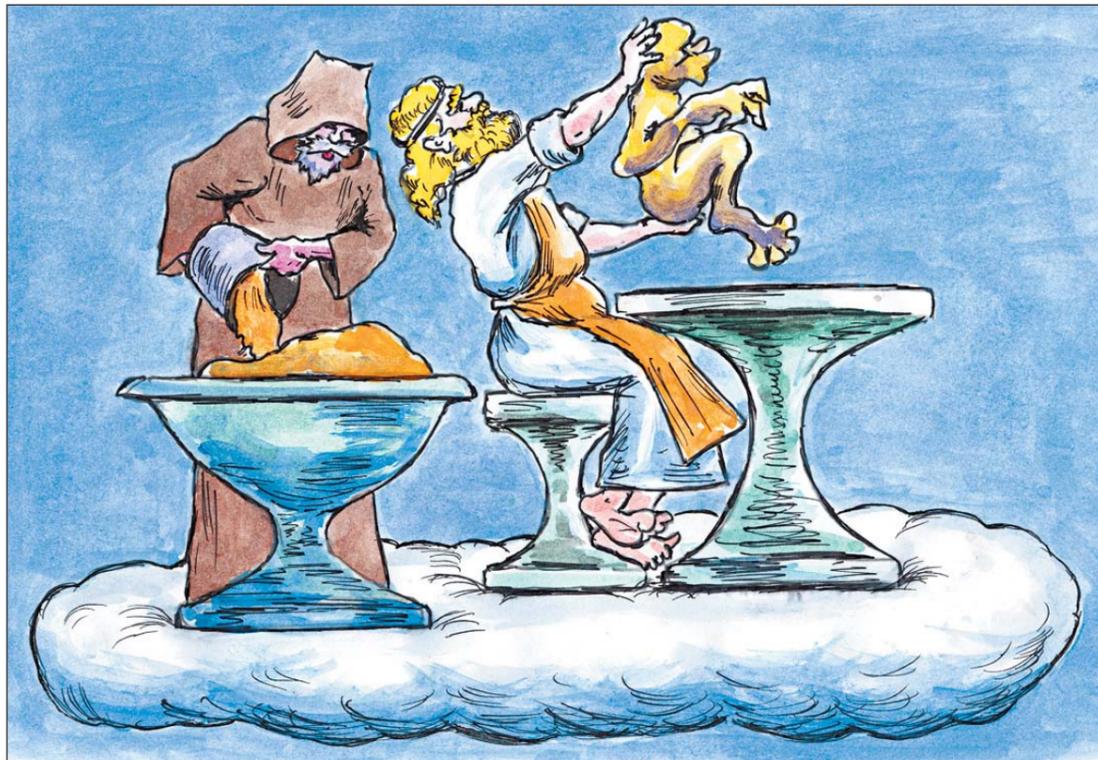
Что мы знаем о мгновенье —
Лик его в исчезновенье,
Блик — и нет! И снова блик!
Предо мной колдун возник.

Без монокля, но в очках
И с дощечкою в руках.

«Все революционеры —
Бунтари и изуверы!
По бурьяну кружат, кружат,
Кто подаст,
тому и служат».

«Вы для них как бы отец?»
«Понял правильно, юнец».

«Кто они, что за народ —
Или это всякий сброд?
Неужели нибириане
Могут жить только в бурьяне?»

«Да, народец — пёстр и остр,
Каждый хипстер,
каждый монстр.
И пока не одомашнил,
Белену плодили пашины.

В общем, все они не сброд,
А мой избранный народ.
Здесь начало всех начал».
По дощечке постучал.

«У меня в народе культ».
Понял я: дощечка — пульт!

«В целом монстров обожаю,
Даже в гости приглашаю
На беседу во дворец,
Ваша правда, как отец.

Чем страшней у монстра рожа,
Тем он знатней как вельможа.
Неприятный внешний вид
О заслугах говорит.

Каждый монстр об этом знает,
Соплеменников пугает.
Им всегда приятен факт,
Что у друга был инфаркт».

Я не выдержал, сострил,
Слово в слово повторил
Оборот известных слов:
«Ты гуторишь будь здоров!»

«Ха-ха-ха! Моё заклятье?!
Мы с тобой теперь, как братья.
Суть не в том, что не смирился, —
Глянь, в кого оборотился?!»

Зеркальце поднёс колдун
Из дворца Зеркальных лун.
Нехотя в него я взглянул —
Как ошпаренный отпрянул.

Был я юн, пригож собой,
Стал седым и с бородой.
В перьях весь, как бы пернатый, —
Непролазно волосатый.

От моей внезапной рожи —
Вдруг попадали вельможи.
А уж монстров мелкота —
Разбежалась кто куда.

А колдун твердит: «Хорош!..
Будешь главным у вельмож
Улучшателем породы,
Чтобы мелкие уроды

Не смущали молодёжь
И равнялись на вельмож».

И ещё сказал колдун
Из дворца Зеркальных лун,
Что придумал мне награду —
Показать мою усладу,

Девушку моей мечты —
Гений чистой красоты.

«Раз такой ты удалец —
Приглашаю во дворец.
Там Анюта, там царица!
Полетишь к ней, словно птица,
Я возьму твоё обличье.

И усядешься орлом
На карнизе под окном.
Чтоб сиял твой образ птичий,
Я возьму твоё обличье.

Дельталётом взмою вверх,
Словно журавлёнок стерх.

А потом в её покои
Отворим окно с тобою.
Ты, как преданный
поклонник,
Вспрыгнешь к ней
на подоконник.

Будешь окна охранять,
Птиц вельможных отгонять.
Так сказать, устроишь бой,
Разгоняя их метлой.

И ещё, в знак уваженья,
Беспримерного служенья,
Чтобы время скоротать,
Будешь зорко наблюдать,

Как Анюта веселится,
Как мечтает пожениться,
Как ей клёво быть со мной
Как царице неземной».

Колдовское уваженье
Вызывало отвращенье.

Но Анюту чтоб узреть,
Я готов был умереть.

И не думал об уродстве,
Думал лишь о благородстве,
Как Анюту я спасу,
Как в объятьях понесу.

Как, прильнув ко мне,
очнёшься,
Как с любовью улыбнёшься.
По щеке скользнёт рукой —
Вот, спаситель, ты какой?!

А спаситель-то пернатый,
В перьях весь и волосатый.
Пострашнее, чем в кино,
Взглянув, выпрыгнешь в окно.

А колдун в моём обличье,
Невзирая на отличие,
Пульт-дощечку мне подал.
«На сердечко жми, вандал!»

И действительно, в колечке
Как бы плавало сердечко.
Я слегка его нажал
И, взлетая, побежал

Семимильными прыжками
Над бурьянными кустами.
Только что их одолел,
Взмах крылами — полетел.

О, безумие полёта!
Слышен рокот дельталёта.
Под крылами даль и ширь —
Словно матушка-Сибирь.

Реки, степи, складки гор —
Русский чувствую простор.
И бурьян такой же всюду,
И живут в нём полулюди,

Что, объевшись белены,
Новой требуют страны.
Всё, у всех — от воспитанья,
Веры в Бога и питанья.

Что в триаде пропустил —
Всё, по сути, упустил.

Впрочем, что я?! Наконец
Вижу блещущий дворец
Из бетона и стекла,
Как торчащая метла.

Что нас ждёт
и что спворим?!
В новой главке погугорим.

Глава 6

Винить себя ни в чём
не стану,
Полёт прошёл почти по плану.
Увы, почти! Ведь под окном
Случилась стычка с колдуном.

Он дельталётом лихо правил,
Но всё же я его обставил.
Сел на карнизе, а потом
Он стал сбивать меня крылом,

Как бы уборочной лопатой.
А я, как сумчатый пернатый,
Подпрыгивал что было сил —
Вельможных монстров веселил.

Я так усердно прыгал, право,
Что слышал в окнах
крики «браво!».
Взлетая выше, чем с батуга,
Глазами шарил — где Анюта?

Хотел увидеть, что она —
Фанатка, но не колдуна,
Который, словно шмель, витал
И отовсюду наседавал.

Он раздавить меня хотел
За то, что первым прилетел.
За то ещё, что я скакал —
Вельможных монстров
развлекал.

Хотя их должен был унять,
Метлой от окон отгонять.
Не знаю, что со мной
случилось
И что в мозгах
переключилось,

Но всё вершил наоборот,
Как из бурьяна обормот.

Колдун являлся сверху,
снизу —
Я бегал, прыгал по карнизу.
Гроза, воинственно кричал
И ничего не замечал.

Я был подобен кенгуру,
Что вырос в делях Нибиру.

Как Белый тигр,
как Моби Дик,
Колдун из воздуха возник
И сделал на меня пики —
И я застыл в своём прыжке.

То странная была минута —
Привиделась моя Анюта.
Она была, представьте
кстати,
В каком-то призрачном
халате.

В котором линии, овалы,
Окружности и интервалы,
Подчёркиваясь на тахте,
Взывали о моей мечте.

Ещё в причёске был цветочек,
В лиловом венчике глазочек.
Анюта в кисее грустила
И по мобильнику звонила.

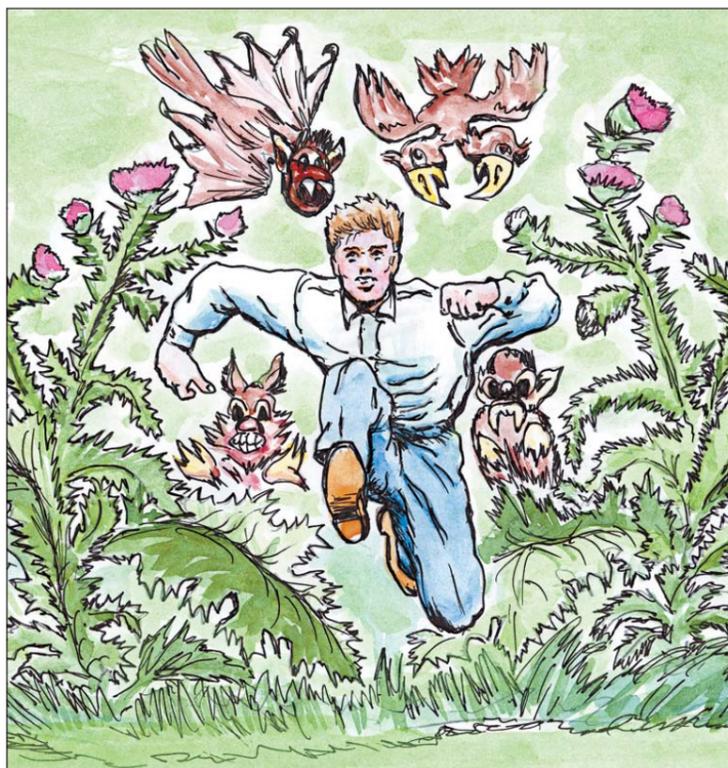
Что некий юный вундеркинд
Устроил межпланетный финт.
Её в мечтах своих представил
И колдуну как есть
подставил,

В надежде, что его мечтой —
Спасутся монстры красотой.
Увы, никто здесь не спасётся,
Пусть вундеркинд
домой вернётся,

Пусть наконец осмыслит он,
Что Нибиру — иллюзион.

Иначе и его спворят
И, одомашнив, погугорят,
Что он смеялся надо мной,
Меня придумав неземной!

Она открыла чемоданчик,
Чего-то налила в стаканчик,
Плеснула с силой по стене,
А вышло — прямо
в морду мне.

Окончание.
Начало – на стр. 15–17

Стена взялась как бы туманом,
Потом очистилась экраном,
В котором, справившись с пиком,
Я пребывал в своём прыжке.

Ну словно птичка в голограмме
В одной «Дискавери»
программе,
Использовавшей абажур
Для многомерности фигур.

Анюта, истончившись в струнку,
Мне что-то положила в сумку.
Когда оставила экран –
Колдун опять шёл на таран.

О, это трудная работа,
Когда тебя шельмует кто-то,
А ты не должен отвечать
И с благодарностью – молчать.

Колдун покинул дельталёт
И без него пошёл на взлёт.
Меня за шкуру ухватил –
Рвал и метал что было сил.

Когда он ввысь меня волок,
Мне в рот попал из перьев клоч.
Поверьте, это неприятно,
Когда вас тянут неопрятно.

Причём не кто-то –
ваш двойник,
Невольно перейдёшь на крик.
Да, я кричал: «Ты сам вандал,
Каких я в жизни не видал!»

А он был полностью как я,
Ну точно копия моя.
И всё ж он палку перегнул,
Когда меня зловредно пнул.

Пнул и к Анюте умотал –
Ну кто он, если не вандал?!
Об этом каждый должен знать –
Нельзя лежачего пинать.

Лежачий Богу отдаётся,
А Бог со всеми разберётся.

Глава 7

Итак, я на полу лежал.
Колдун куда-то убежал.
А я лежал ничком, и вот –
Упёрлось что-то мне в живот.

Я приподнялся и рукою
Пощупал – что это такое?
Рукой когтистою, как лапа,
Живот до крови расцарапал.

Но всё же кровь не утратила –
Анюта в сумку положила
Дошечку, знаковый предмет,
Возможно, он таит ответ:

Что это за иллюзион,
В котором я – пернатый клон.

Пронзённый мыслью,
я слегка
вскочил, не чувствуя прыжка.
Ударом лба о потолок
Невольно оценил прыжок.

Но главное, увидел зал,
Весь состоящий из зеркал.
Так вот где спрятана обитель?
Того, кто образ мой похитил?!

Как олигарх, мечту присвоил –
Меня пинком лишь удостоил.
Каков подлец, каков колдун –
Из дворца Зеркальных лун!

Я без вины был виноватым.
Себя почувствовав пернатым,
Испытывал животный страх –
Узреть свой образ в зеркалах.

Скажите, кто из нас пригожий
Захочет встретиться
с вельможей,

ЗИГЗАГ

Поэма-фарс

Что к зеркалу сам подойдёт
И вам оттуда подмигнёт.

Таких всегда на свете мало,
Теперь и вовсе их не стало.
Лишь только я, и то – гибрид,
Скрещённый с монстром
вундеркинд.

Я сбоку к зеркалу подкрался,
Себя увидев, растерялся.
Стоял я прежний – красавец,
В своём облики юнец.

На зеркале виднелась кнопка:
«Скорей нажми –
получишь фотка,
Причём получишь без труда
С ней прежний образ навсегда».

Я в спешке допустил осечку
И на пол уронил дошечку.
То, что я после увидал, –
Передо мной стоял вандал.

Подмигивал, но было видно,
Что лицезреть меня противно.
Получишь фотка – ай-яй-яй!
Безграмотным был негодяй.

К другому зеркалу в надежде
Я подбежал, и вновь,
как прежде, –
Вначале юноши фантом
И я пернатый, но – потом.

В полях зеркал в моём движенье
Запаздывало отраженье.

Но тот, кто образ мой являл,
Тот мне уродства прибавлял.

Но как бы ни был образ жуток,
Хотел вскочить я
в промежуток –
Вот юноша и вот вандал,
А между ними я бы встал.

Моё бы местоположенье
Определилось притяженьем –
Своё слилось бы со своим,
Чужое бы слилось с чужим.

Скорее жми, получишь фотку –
Воспринял я как бы наводку
И меж зеркал устроил слалом –
Мне не хотелось быть
вандалом.

И я молился, чтобы Бог –
Мне в ускорении помог.

И вот в зеркальном отраженье
Возникло странное движенье.
Пространство зала и зеркал
Раздвинулось в Колонный зал,

В котором музыка играла,
Анюта с монстром танцевала.
Но только на единый миг –
Из монстра юноша возник.

Выходит, началось движенье,
Скрестились силы
притяженья.

Момент борьбы уже настал,
Но кто взойдёт на пьедестал?!

Я – вундеркинд,
теперь пернатый,
Эндемик плотно волосатый,
Подставивший свои мечты,
Анюту – символ красоты.

Колдун – ничтожный
имитатор,
Укравший облик плагиатор,
Каким он был, таким и стал
В моём облики – вандал.

О, красота! Её виденье
Таит в себе прикосновенье
И дуновение побед,
Которые рождают свет.

Она – предвестница любви
Нам дарит образы свои.
И где её как будто нет –
В предчувствии найдёте свет.

Глава 8

А между тем в Колонном зале
Вельможи-монстры
танцевали.
С Анютой в центре был юнец,
Увы, вальсировал, как спец...

Вот если б танец – летка-енка,
И я размялся бы маленько.
Колдун здесь потерпел бы крах –
Нет монстров равных мне
в прыжках.

А впрочем, был я не в ударе
В своём пернатом аватаре.

Официантом встав за стойку,
Координировал попойку.

Ценился сок весьма неплохо,
Отжатый из чертополоха,
А если с белой мешал –
То каждый монстр уже визжал

И корчил мне такие рожи,
Какие корчат лишь вельможи,
Изображающие власть, –
Чтоб мог я в обморок упасть.

Но я был, так сказать, не в теме
И только чокался со всеми.
На самом деле наблюдал –
Анюта где? И где вандал?

Он шёл вприсядку справа,
слева –
Она плыла, как королева,
А он нахально приставал,
Из круга выплыть не давал.

Мне было больно и обидно.
Мозги работали активно –
Как мне Анюту обрести?!
Как мне мечту свою спасти?!

А он уже скакал, как лошадь,
Хотел Анюту облапошить.
Накинуть бы ему уздечку?!
И тут я вспомнил про дошечку

И про нательный крестик свой –
Пора пожертвовать собой.
Что с прежним вундеркиндом
стало –
Меня, по сути, не осталось.

Скажите, монстры, остров Крит
О чём-нибудь вам говорит?!
Никто не скажет, все вельможи
Боятся колдуна до дрожи.

Колдун, он как бы Белый танк –
Иду один, иду ва-банк.

Дошечка вот, на ней колечко,
В нём плавает её сердечко.
Нательный крестик, извини –
Мечту Спаси и Сохрани.

Пусть я костей не соберу,
Меня запомнит Нибиру.
Запомнит Ява, остров Крит,
Что вундеркинд здесь был зарыт.

Как только я подумал так,
Произошёл большой зигзаг.
Дворец куда-то испарился,
А я в купе вновь очутился.

Но не в какой-то балаболке,
А как юнец на верхней полке.

Сияло солнце, стук колёс,
И было радостно до слёз.

Путевожатая вошла,
Чайку с лимоном принесла.
«Вставай быстрее –
дрыхнишь с ночи,
Мы подъезжаем, скоро Сочи».

Давай-давай, вставай, сынок,
Тебе оставили цветок».
Она ушла. Я наклонился
И тихо к столику спустился.

Стоял в бутылочке аптечной
И на меня смотрел беспечно
В лиловом венчике глазок –
Анютин маленький цветок.

Его Анюта подарила,
Меня на Землю возвратила.
Цветочек нежный и простой –
Наш мир спасётся красотой.

03.08.2013, Канн (Франция) –
Москва – п.г.т. Черноморское
(Крым) – Канн (Франция).

Виктор СЛИПЕНЧУК
Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru

